

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

Кафедра экономической методологии и истории

Г.А. Явлинский

**О ЛОГИКЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ**

Препринт WP11/2006/02

Серия WP11

Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории

Москва
ГУ ВШЭ
2006

УДК 338.24.021.8
ББК 65.2/4
Я 20

Редакторы серии WP11
«Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории»
В.С. Автономов, О.И. Ананьин

Я 20 **Явлинский Г.А.** О логике экономических реформ. Препринт WP11/2006/02. — М.: ГУ ВШЭ, 2006. — 28 с.

Данная серия препринтов посвящена изучению истории экономических реформ в России в последние десятилетия XX в. Основу серии составляют материалы выступлений на научном семинаре факультета экономики ГУ ВШЭ известных экономистов и политиков, участвовавших в подготовке и осуществлении экономических реформ в 1990-е гг. Авторы выступлений — активные участники и инициаторы реформ — помимо широко известных событий и фактов высвечивают различные их аспекты и взаимосвязи, исходя из собственного понимания и оценки происходивших процессов. Думается, подобный анализ событий поможет понять сложившуюся систему экономических отношений в современной России.

УДК 338.24.021.8
ББК 65.2/4

Препринты ГУ ВШЭ размещаются на сайте:
<http://new.hse.ru/C3/C18/preprintsID/default.aspx>.

© Г.А. Явлинский, 2006
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006

Цель данной лекции — попытаться разобраться с общей логикой, с философией реформ.

Начнем с оценки соотношения экономики и бизнеса. Прежде всего, это совершенно разные виды деятельности. Бизнес — это деятельность, главная цель которой заключается в том, чтобы заработать как можно больше денег и остаться на свободе. Никакого другого содержания в бизнесе нет. У экономики другие задачи. Экономика — это наука о том, как создавать благосостояние страны, общества. Бизнес, безусловно, входит в экономическую политику, но тем не менее это два разных процесса. Очень важно понимать, в чем корни сегодняшней экономической системы, факторы ее движущие механизмы и действующие лица, социокультурные факторы развития. Без понимания этих вещей просто невозможно создать современную экономическую систему, которая обеспечит конкурентоспособность России в XXI в.

1. Предыстория

В конце 1920-х — 1930-е гг. была создана жестко регламентированная система плановой экономики. Это административная экономика, когда вся страна работает как одно промышленное предприятие, и каждое отдельное предприятие рассматривается как подразделение или отдельный цех этого огромного завода. Правительство устанавливало соответствующие планы и стимулы. Экономика в значительной степени держалась на стимулах принуждения, наказания. Каждый исполнитель чувствовал, что он постоянно находится «на крючке». Невыполнение могло быть прощено, но зато в любую минуту можно было сказать: «Ты не выполняешь план, а это нарушение закона» — и следовала расплата.

Как я уже сказал, это была строго регламентированная система. Предприятию указывался определенный объем производства в натуральном виде. Например, произвести десять тепловозов. На этот объем работы устанавливался фонд заработной платы. Для контроля каждого рабочего существовала система нормирования, т. е. каждый рабочий должен был выполнить определенную норму. За выполнение этой нормы он получал соответствующее вознаграждение. Первые сдвиги в этой системе начали происходить после смерти И. Сталина. В 1955 г. было принято фундаментальное решение по изменению этой системы.

Еще в конце 1940-х — начале 1950-х гг. ввели такую любопытную систему, которую и сейчас иногда вспоминают. Каждый год 1 апреля снижали цены. До сих пор это воспринимается как некий абсолютно потрясающий феномен, к нему очень часто апеллируют, даже в политических дебатах. Механизм снижения цен был следующий. Каждый год принималось централизованное решение, что за ту же самую заработную плату рабочий должен

выполнить объем работы на 10% больше. Поскольку это мало кому нравилось, был придуман механизм снижения цен, суть которого заключалась в том, что из этих 10%, условно говоря, 2–3% шло на снижение цен, остальное просто экспроприировалось. Население очень радовалось снижению цен, а на следующий год происходил пересмотр нормативов.

В 1955 г. Л. Каганович, который в то время руководил только что созданным Комитетом труда (Госкомтруд), на заседании политбюро заявил, что больше пересматривать таким образом нормы страна не сможет, потому что на предприятиях начнутся восстания. Терпение людей исчерпано, война закончилась более десяти лет назад, аргумент военных потерь население больше не воспринимает — пересмотр норм невозможен. Иными словами, кто возьмет на себя политическую ответственность за подавление рабочих восстаний? И тогда политбюро приняло решение, абсолютно абсурдное с точки зрения существовавшей системы, — планирование объема производства и фонда заработной платы сохранялось за центральными органами, в частности за Госпланом, а нормы должны были устанавливаться на предприятиях самостоятельно.

Нетрудно сообразить, что если нормы устанавливаются на предприятии, а фонд заработной платы выделяется Госпланом и Минфином, то можно совершенно свободно манипулировать этими нормами и делать что угодно. В этот момент директора вдруг почувствовали себя хозяевами на своих предприятиях, понимая, что у них есть способ манипулирования объемом фонда заработной платы. Конечно, это были обманчивые ощущения, но они дали толчок росту теневой экономики.

Надо понимать, что все серьезные изменения, реформы в экономике всегда происходили параллельно с крупными изменениями в политике. Это было время XX съезда КПСС, разоблачения культа личности Сталина. В это же время переместился центр власти. Н. Хрущев перераспределил реальную власть от органов КГБ к органам КПСС. То есть органы КГБ стали инструментом КПСС, они утратили свою доминирующую самостоятельность. Это еще не либерализация экономики, но существенное изменение. После этого народное хозяйство стало совсем другой системой.

Однако разрыв между формированием заработной платы и нормированием вскоре начал ощущаться на практике. Это стало проблемой, потому что замедлились темпы роста производительности труда. Поскольку экономика была во многом натуральная, то вскоре начали появляться первые признаки дефицита, формальные приписки постепенно становились массовым явлением. И это подтолкнуло к еще одному шагу реформ — были созданы территориальные промышленные комплексы, так называемые совнархозы. Они регионализировали экономику по более или менее замкнутым хозяйственным комплексам. Просуществовав недолго, они стали основой новых групп влияния.

Одна группа влияния — мощные лоббистские комплексы, сформировавшиеся вокруг крупных отраслевых министерств. Вторая — это аналогичные лоббистские комплексы, которые образовались на территориях. Особенно мощными они оказались в неславянских республиках СССР.

После отставки Хрущева генеральным секретарем ЦК КПСС стал Л. Брежнев, а премьер-министром — А. Косыгин, достаточно опытный человек. Они решили перестроить всю систему управления и перешли от совнархозов к отраслевому управлению: были созданы крупные вертикальные промышленные объединения, просуществовавшие до распада Советского Союза.

Все реформы в СССР с середины 1950-х гг. и до 1991 г. развивались в русле противостояния хозяйственной самостоятельности предприятий и централизованного управления народным хозяйством. В этом суть и стимул реформ. Стимулом всегда было то, что разрыв между тем, что делало предприятие, и тем, что ему предписывалось, становился все больше. Вернуться к централизованному пересмотру норм было уже невозможно. Эту проблему пытались решить различными способами — создавались фонды материального поощрения, фонды экономического стимулирования, фонды для развития самого предприятия и т.д. Все новации так называемой косыгинской реформы, ряд постановлений ЦК и Совета министров по хозяйственному механизму в конце 1970-х гг., которые разрабатывали такие крупные специалисты, как Ситарян, Сухаревский, были посвящены преодолению этого разрыва. А ведь эта проблема означала только то, что если люди живут не в казарме, то плановая система просто не может работать. Она функционирует при условии тотального подчинения и принуждения. Малейший отказ от абсолютного принуждения немедленно приводит к внутренним разрывам в этой системе и к ее слому.

После смерти Брежнева и прихода к власти Ю. Андропова (ранее возглавлявшего КГБ), все затаились, потому что существовало представление, что Андропов немедленно прекратит всякое свободомыслие в экономике и все вернет чуть ли не в 1930-е гг. Три месяца после смерти Брежнева все ждали, какое же будет принято решение. В январе-феврале 1983 г. Андропов опубликовал статью, из которой следовало, что не только будет сохранено то, что достигнуто, но, кроме того, будет поощряться самостоятельность предприятий. Правда, одновременно, чтобы удовлетворить тех, кто ждал возврата в 1930-е гг., Андропов придумал историю с дисциплиной. К любому человеку на улице могли подойти и спросить: «Куда идешь? Почему не на работе?» И люди просто физически боялись ходить в кафе или рестораны, в баню, в кино. Надо было всегда иметь справку, что ты в отпуске. Это, конечно, совершенно марзматическая история, но в главном Андропов решил задачу правильно, объявив, что развиваться нужно через инициативу, через хозяйственную самостоятельность и т.д.

В середине 1980-х гг. страну возглавил М. Горбачев. Он подошел к делу радикально — поставил вопрос о создании закона о государственном пред-

приятии, который бы защищал предприятия от вмешательства. Долго шла дискуссия о том, о каком предприятии должен быть этот закон — социалистическом или государственном. Я был автором этого закона. Это был очень важный закон. Мы писали его в 1986—1987 гг., и я настаивал тогда на необходимости переходного периода для его введения. Я говорил о том, что нужно изменить всю работу Госплана, Минфина, Госснаба, и тогда к 1991—1992 г. все заработает, когда вся среда, окружающая предприятие, будет приведена в соответствие с этим системообразующим фактором. Мне говорили: «Да что вы? Нам нужно к октябрю, и все!» И конечно, по обычаю того времени, было сделано убого, но к сроку.

Но зато параллельно появилась идея сделать закон о кооперативах. Первый закон о кооперативах был очень успешным — в конце 1980-х гг. на улицах стали появляться частные палатки, небольшие магазины, и это был очень добросовестный бизнес. Люди вкладывали свою заработную плату и начинали делать бизнес. Начало развиваться настоящее, а не извращенное предпринимательство (которое потом погубили в 1992 г., когда инфляция достигла 2600% и «съела» все, что люди создали и накопили за эти годы).

Следует упомянуть, что в это время наряду с появлением кооперативов, развитием предприятий, их самостоятельности, вновь появился важный политический фактор — политика открытости и гласности, — имевший огромное значение и ставший одним из движущих механизмов реформ. Никто не мог ожидать, что мирным образом, без насилия и кровопролития советская система перестанет существовать, причем в течение всего трех лет.

Оказалось достаточно, чтобы люди увидели, что можно жить по-другому. Что существуют, по крайней мере, три обстоятельства, характеризующие иное политико-экономическое устройство общества. Первое — это политический плюрализм. Можно выражать свою позицию, сравнивать разные точки зрения, открыто их обсуждать, и за это не посадят в тюрьму. Второе — частная собственность. Речь идет о возможности иметь собственное дело, собственное хозяйство, приносящее доход, достаточный, чтобы прокормить свою семью, о возможности свободно конкурировать со своим соседом. Людям вообще-то это очень свойственно и нравится. И третье — это существование эффективных, хотя в разных странах и различных социальных систем, которые решают ключевую проблему — создают социальные гарантии, позволяющие людям не бояться рисковать, не бояться, что если они потеряют вдруг здоровье, то у них не будет возможности для лечения, или, если они потерпят неудачу в бизнесе, то их дети останутся без образования, а родители — без лекарств. Люди узнали, что все устроено таким образом, что можно один, другой, третий раз попробовать, и, наконец, добиться успеха. И когда советские люди все это увидели, это также стало очень важным фактором.

Почему же реформы начала 1990-х гг. прошли столь гладко, почему не противились им так называемые «красные директора» и промышленная элита?

А потому что те самые потомки директоров середины 1950-х гг. поняли, что в новых условиях они смогут стать практически полноправными собственниками этих предприятий. При этом существовали разные варианты развития событий. Кто-то рассчитывал сразу все распродать, кто-то — создать современное капиталистическое предприятие, а другие просто почувствовали, что вот-вот станут хозяевами и будут всем распоряжаться, тем более, что в конце 1980-х гг. они создавали вокруг этих предприятий фирмы, через которые уже тогда реализовывали основные активы предприятий и т.д. Нарастала теневая экономика, т. е. от решения 1950-х гг. о разрыве нормы с планом и планированием фонда заработной платы уже перешли к более серьезным действиям. Теперь директор получил в свое распоряжение не только фонд заработной платы, а разрешение заниматься «своими» активами. Это стало определяющим фактором.

В ожидании грядущих перемен директора отнеслись к ним с большим пониманием, тем более, что в период борьбы российского правительства с правительством СССР Б. Ельцин объявил, что можно не платить налоги. В 1990—1991 гг. он всех уговаривал прекратить платить налоги. Он говорил: «Не надо платить налоги союзному правительству, потому что они такие плохие, можете даже нам не платить». Как позднее с суверенитетом: «Берите, кто сколько сможет». Эта безумная логика очень понравилась директорам. Представляете, вас назначили на «КамАЗ» директором и вдруг говорят: «Делай что хочешь, только отстань. Не плати налоги никому». Понятно, что люди реагировали приблизительно следующим образом: «Это что-то невероятное, но против чего возражать-то? Найдём, что с этим делать, приладимся к этому обстоятельству».

Итак, мы переходим к очень важному моменту, с которого и началась та самая реформа, в условиях или, скорее, в последствиях которой мы живем.

2. Смысл реформ

Позволю себе обсудить с вами несколько фундаментальных оснований реформы 1990-х гг. Прежде всего, хотелось бы поделиться своими соображениями относительно политической философии этой реформы. Начиная с 1990 г., несмотря на все бурные события, не произошло одной очень важной вещи: не было осмыслено место России на новом историческом отрезке, не было ответа, какой исторический этап переживает наша страна, что он означает. Не было прямого ответа на вопрос о соотношении новой России с СССР, с самодержавием и его распадом, с Февральской революцией, с Октябрьским переворотом. В то время, когда происходило «растаскивание» «КамАЗа» и всех остальных активов, это могло казаться совершенно

неважным, а на самом деле имело огромное значение. От этой неясности мы страдаем сегодня в полной мере.

Что я имею в виду? Изменения 1990—1991 гг. должны были означать, что Россия вернулась в недолгий период между распадом самодержавия и захватом власти большевиками. Февральская революция 1917 г. была следствием глубокого кризиса самодержавия, которое отвергалось почти всеми слоями общества. Самодержавие, российский монарх не нашли ответа на вызовы времени. Какие-то действия Николай II предпринимал: создавал, разгонял Думу, все время боролся за собственную власть, но все закончилось тем, что он так и не смог выстроить новую систему власти. И, с моей точки зрения, не смог правильно соотнести себя с обществом, что и привело к трагическим обстоятельствам в истории нашей страны. Произошла Февральская революция, которой были удовлетворены практически все слои общества. Наша страна начала очень сложный процесс подготовки к принятию конституции, стала проводить выборы в Учредительное собрание. И тогда партия большевиков, проигравшая выборы, приняла решение осуществить переворот и захватить государственную власть.

Нам надо было осознать это обстоятельство, четко заявить, что тогда произошел неправовой, незаконный захват власти, и, следовательно, мы не являемся преемниками тех решений, что мы осуждаем эту власть в целом и не можем нести ответственность за каждое ее решение, хотя это история нашего народа. Мы являемся преемниками того периода в российской истории, когда создавалась Российская республика (напомню, Россия была объявлена демократической республикой 1 сентября 1917 г.). И это позволило бы дать ответы на ключевые вопросы: что такое пакт Молотова — Риббентропа, какова цена и смысл победы в Великой Отечественной войне, что такое сталинизм, большевизм. Ни на один из этих вопросов ответа не последовало. И наступило серьезное последствие — кризис самоидентификации. Эту проблему смогли преодолеть прибалты, поляки, чехи, венгры. Они сразу заявили: «Мы европейские страны. Нас захватили, мы жили под игом, теперь наша цель — вхождение в Европу, и мы полностью присоединяемся к европейской цивилизации». Наша страна не ответила на эти вопросы до сих пор. Можно было принять и другие решения, можно и не отказываться от всего, но все равно необходимо было что-то очень ясное сказать.

Кризис самоидентификации и отсутствие цели в связи с этим создают сложности — не может же всерьез быть целью нации удвоение ВВП! Это может быть экономической задачей, но жить ради этого целому народу невозможно. Вот то главное, с чем мы сегодня сталкиваемся в смысле реформ и жизни в целом. Наша позиция должна быть внятной, ясной, мы должны знать, кто мы такие, где мы, куда идем. А сегодня у нас царский герб, советский гимн и демократический флаг. Это неправильно. Это может оказать серьезное влияние, пусть и не сразу. Суть этого влияния в том, что нарастает

апатия, имморализм и общественная стагнация. В советской стране у людей пропагандой была сформирована идеология цели, движения. В конце 1980-х гг. у нас появилась определенная динамика, но потом она исчезла, а сейчас процесс чуть ли не набирает обратную динамику. Нас чуть ли не возвращают в Российскую империю. Такие возвраты губительны, а в XXI в. особенно, они оказывают влияние на подсознательном уровне. Очень трудно добиваться от людей поддержки реформ, когда они на психологическом уровне замкнуты на движении не вперед, а назад.

Теперь о политэкономической философии, о политэкономических основаниях, которые лежали в основе реформ 1990-х гг. Как ни удивительно, в основе лежали две марксистские догмы. Люди, которые с утра до вечера говорили про либерализм, демократию, приватизацию, на самом деле исповедовали две марксистские фундаментальные догмы. Во-первых, первоначальное накопление капитала всегда преступно. Это тезис, который К. Маркс почерпнул у Прудона, говорившего, что собственность — это кража. Поэтому, когда обсуждали ваучерную приватизацию или залоговые аукционы, самые демократические и либеральные специалисты говорили: «А разве вы не знаете, что первоначальное накопление капитала всегда преступно?» Я только мог ответить на это: «Но ведь это было лет 400 назад, а сейчас это вовсе не обязательно». Но их невозможно было ни в чем убедить. На этой политэкономической догме была проведена вся приватизация, особенно крупных предприятий, и некоторые сейчас отбывают заключение в местах очень отдаленных, потому что все разделяли эту марксистскую догму. И вторая догма, которая была положена в основу реформ, — то, что базис определит надстройку. То есть ожидалось, что базис сам по себе определит надстройку, главное — быстро раздать собственность и потом все образуется. В Америке есть судебная система — она и у нас возникнет. А делать для этого ничего не надо. И профсоюзы, и настоящий парламент, и политические партии — все само собой. Главное, чтобы базис был другой. При социалистическом базисе была отвратительная надстройка, а сейчас мы сделаем правильный базис, все раздадим, и новые собственники начнут создавать независимый суд, чтобы он их и посадил тут же, чтобы удобно было. И все 1990-е гг. почти никто не занимался этими ключевыми, совершенно принципиальными вопросами надстройки.

Третье фундаментальное обстоятельство было вызвано недопониманием по крайней мере двух экономических факторов. Первый фактор — наследие, которое мы получили и с которым во время реформ решили не считаться или трактовали его чрезвычайно странным образом. Это совершенно необъяснимое представление о том, что социалистическое предприятие — это то же самое, что капиталистическое — только без плана. Только люди, совершенно не знающие особенностей советской экономики, могли такое себе представить, потому что социалистическое предприятие имело ряд фундаментальных отличий от рыночных предприятий. Иначе говоря, так назы-

ваемое социалистическое предприятие ничего общего с фирмой в капиталистическом смысле не имело. Оно имело совершенно другое устройство. Поэтому просто сказать директорам российских предприятий: «Вы свободны, делайте что хотите!», — было абсурдной затеей, которая привела к падению объемов производства в промышленности до 60%.

Другой фактор, который тоже почему-то никто не захотел учитывать, — чрезмерная концентрация производства. Монополизм, который формируется в ходе рыночной игры, в СССР выстраивался целенаправленно и целеустремленно. Начиная с индустриализации, монополизм был аргументирован тем, что якобы экономически более эффективно строить промышленные гиганты. Поэтому ни о какой конкуренции, соревновательности в этих условиях говорить было невозможно.

Еще одно важное обстоятельство — откуда-то взялась идея, что в советской или постсоветской России существует готовый капитал, его нужно только освободить. Все тогда критиковали капитальное строительство, что оно в СССР очень неэффективно: вкладываются деньги, фонды замораживаются, строительство продолжается десятилетиями; т. е. капитальные ресурсы есть, нужно только эффективно их использовать. Это заблуждение! Не было в постсоветской России капитала, потому что была натуральная экономика, не было ни финансов, ни настоящего денежного обмена, а деньги были просто условным посредником в обращении, поэтому потом разразился такой страшный кризис с неплатежами и бартером, потому что экономика-то была приспособлена совсем для другого. В ходе всех этих макроэкономических реформ, которым придавалось совершенно гипертрофированное, абсолютно несоответствующее значение, рыночные потоки обслуживали только 20% оборота, поэтому и случился кризис середины — конца 1990-х гг.

И последнее важнейшее обстоятельство — это теневая экономика. Теневой рынок существовал всегда, но активно начал действовать с середины 1950-х гг. Этот теневой рынок совершенно не был принят во внимание, а стал доминирующим.

Конечно, еще одна причина не самого удачного проведения реформ, если говорить об экономической философии, — это экономическая политика сама по себе. И здесь мы должны были бы обсудить так называемый пресловутый Вашингтонский консенсус — стабилизация — приватизация — либерализация. Но эта тема огромна и я предлагаю ее пока не рассматривать.

3. Результаты

Рассмотрим результаты реформы 1992 г. Годовая инфляция составила 2600%, значит, с точки зрения мотивации реформ, была допущена ошибка. Были уничтожены все сбережения населения. Тезис, что эти сбереже-

ния якобы не являлись полноценными деньгами, довольно наивный. Как можно объяснить людям, что они работали 50 лет и потом у них в результате определенных действий правительства в течение трех месяцев исчезли все накопленные деньги?! В ГДР в то же самое время обменивали марки в соотношении 1 : 1, по-моему, до 20 тысяч, а свыше 20 тысяч — в соотношении 1 : 2. Сумма не ограничивалась. Это и был пример по-настоящему социалистического подхода.

Итак, людей не просто лишили всех сбережений, кроме того, уничтожили и кооперативное движение. Вследствие упущений в политической философии, экономических просчетов мы получили следующую картину: 1992 г. — инфляция, 1993 г. — расстрел Белого дома, 1994 г. — начало войны в Чечне, «черный вторник» 11 октября 1994 г., когда в очередной раз наиболее энергичных ограбили.

Следует отметить поразительную живучесть экономики. В условиях практически полного хаоса к 1994 г. появились сбережения, государство отказалось создавать систему накоплений и позволило всем финансовым потокам уйти в «Чару», «Властилину», которые потом рухнули. Затем товарищ Герашенко устроил «черный вторник». Тогда ФСБ заявляло, что это все такое страшное безобразие, а никакого безобразия не было — просто государство еще раз «уронило» всех предпринимателей.

В 1995 г. проводились залоговые аукционы, но эту тему надо изучать специально. Суть ее в том, что, скажем, «Сибирский алюминий» был продан примерно за 100–120 млн долл. Стоимость этой компании сегодня составляет, думаю, 15 млрд долл. «ЮКОС» был продан через залоговый аукцион за 320 млн долл., его стоимость потом достигла 30 млрд долл. Это обычная практика 1990-х гг. Приобретались эти предприятия на государственные займы, которые потом государству не вернулись, а недостающую часть, помимо этих займов, брали у миноритариев со всего мира и потом с ними разобрались также «по-свойски».

Все это создало очень непростую ситуацию, существующую и поныне. Вместо частной была создана система номенклатурной собственности. Иначе говоря, контроль над активами стал напрямую связан с положением во власти или взаимоотношениями с ней. Если вы с властью поссорились — нет таких механизмов, которые могут защитить вас и вашу собственность.

Сложившаяся в России система собственности имеет ряд особенностей. Главное — граждане должны верить, что это честно заработанная собственность. Например, если ваш участковый милиционер ездит на «Жигулях» или на подержанном «Опеле», у вас это не вызывает никаких вопросов. Но если он вдруг начнет ездить на «Бентли» с двумя машинами сопровождения, люди не поверят, что все это приобретено на честно заработанные деньги. Когда у него будут этот «Бентли» отбирать, никто не пожалеет об этом и не выйдет на демонстрацию, кроме тех, кому заплатят. А все скажут: «Ну и правильно!»

Вот в эту историю попали наши олигархи. Им никто не верит, что у них в 28, 35, 40 лет появилась законным путем заработанная многомиллионная собственность. У граждан в 1992 г. все исчезло, а через два года появились молодые люди, комсомольцы, вспомните «Менатеп», — и стали миллиардерами, владельцами крупнейших предприятий и компаний, созданных в советское время. Кто же в такое может поверить?

Другая проблема состоит в том, что правительство, которое устроило это мероприятие с аукционами, тоже в это не верит. Оно, как это всегда было в русской традиции, считает, что дало попользоваться. Как царь давал землю или должность на кормление. Дали — кормись, но когда наешься, извини, дадим другому, — он тоже кушать хочет. Правительство смотрит на это так: «Ты сколько заплатил за это? Нисколько. Даже эти 100 млн обесцененных рублей — был кредит, поэтому ты ни на что не можешь рассчитывать. А ты что задумал? Продать американцам! Даже и не думай, потому что это моя собственность. Не понимаешь, ну хорошо, тогда я тебе объясню, чья это собственность и что будет со всем этим и с тобой».

Другой олигарх, который посмотрел, что бывает, когда хочешь продать американцам, продает своим, и за это ему демонстративно показывают: «А с тобой мы рассчитаемся по-честному». Почему сюда продать — пожалуйста, а туда — нет? Да потому... «Потому что это не твое, потому что я так сказал. Будешь отстраивать дальние регионы нашей страны, пока не поймешь».

И третий аспект. Сам собственник не верит в свои права на эту собственность. Он же лучше других знает, как ее получил, поэтому на него рекламный слоган «заплати налоги и живи спокойно» не действует.

В 1996 г. Ельцин вновь был избран президентом. В 1997 г. была выстроена пирамида ГКО, в 1998 г. произошел дефолт вкуче с девальвацией. Попробуйте найти еще хотя бы одну страну, в которой дефолт осуществлялся вместе с девальвацией. Есть страны, которые объявляли дефолт, есть страны, которые объявляли девальвацию, но одновременно — это только у нас. А что делали наши компании? Брала в долг, в счет этих долгов покупали ГКО, которые имели сумасшедшую доходность, а потом, когда надо было возвращать долги, говорили: «У нас дефолт, нам не разрешают отдавать вам долги».

В ходе всех этих преобразований наступил нынешний, новейший, этап.

4. Реформы закончились: «госклан» вместо «Госплана»

Существует огромная дистанция между реформой и просто изменениями. Реформа — это сознательное действие, направленное на модернизацию общества и экономики. А если просто изменили порядок взимания НДС или порядок работы таможенных служб — это не реформа, это

просто изменения, обычная хозяйственная практика. Если так понимать реформу, все реформаторство давно прекратилось, а с 1999 г. началась активная демодернизация — обратное движение и в экономике, и в общественных отношениях.

Какой получилась созданная в 1990-е гг. экономическая система? Экономическая система такого типа очень распространена в мире, ее обычно называют моделью периферийного капитализма. Это система, которая в отличие от советской системы связана с миром, но носит сугубо обслуживающий, сервисный характер. Главной экономической особенностью этого периода стало окончательное и полное слияние бизнеса и власти, вместо Госплана в нашей стране появился «госклан», к которому даже присоединился канцлер соседней страны. Это круг людей, приближенных к одной группе, по существу — членов одной группы. Недавно одна из газет опубликовала статью о друзьях президента, целью которой было выяснить, какой объем хозяйства они контролируют в стране? Оказалось, что около 10% ВВП! В отличие от «семьи» Ельцина, все они когда-то вместе работали, учились в школе, словом, друзья.

Создание такой системы потребовало серьезных политических изменений — вновь начали выстраивать авторитарную систему. Отсюда и желание создать этот самый «госклан». То есть произошла своеобразная национализация и централизация управления бизнесом, подчинение бизнеса власти. Это еще не завершившееся движение очень напоминает сталинскую систему 1930-х гг., где не было независимого парламента, не было независимых СМИ, независимых судов, независимых выборов, не было никакого общественного контроля над правоохранительными органами и спецслужбами. Эта система на сегодняшний день почти построена. Суть ее в том, что все, что принадлежит государству, является главным, а бюрократия является абсолютной доминантой. Идея создания людьми государства, чтобы оно им служило, в этой философии принципиально не присутствует, но объясняет, какого рода реформы происходят.

В результате изменений 1990-х гг. наше государство, народ имеют множество институциональных, макроэкономических, культурных и других проблем в отношении дальнейшего проведения реформ. И было бы крайне интересно всерьез и детально обсудить весь курс, всю карту реформ: что нужно делать, чтобы действительно модернизировать нашу страну, сделать ее современной и чтобы лет через 10–15 мы вошли в десятку промышленно развитых стран мира и могли на равных конкурировать с любой европейской или североамериканской страной, включая США.

Нам предстоит большая специальная работа по анализу проведенных реформ для понимания того, где мы в историческом смысле находимся, какие мы совершили ошибки и как их необходимо исправлять. Я думаю, мы бы с этим справились.

Вопросы и обсуждение

— *Вы нам рассказали о реформах с точки зрения философии, но хотелось бы услышать о том, что делали лично Вы. Вы упомянули о том, что принимали участие и разрабатывали закон о кооперации, закон о госпредприятиях. Что еще Вы делали после того, как была написана программа «500» дней, и до того момента, когда Вы попали в Государственную Думу? Как Вы участвовали в проведении реформ?*

— Я закончил институт в 1974 г., в 1976 г. — аспирантуру по кафедре экономики труда. По своему базовому образованию я экономист. После окончания аспирантуры был направлен в распоряжение Министерства угольной промышленности, работал на шахтах и разрезах Кемеровской и Челябинской областей. Занимался нормированием труда инженерно-технических работников на подземных работах. Это было для меня исключительно полезно. Только тогда я увидел, как устроена жизнь и как живут люди на самом деле.

— *Шахтеры были тогда самые богатые люди! (реплика из зала)*

— Никогда не забуду, как я в первый раз приехал в шахтерский город Ленинск-Кузнецкий. Тридцатиградусная жара, стеклянные кафе на единственной улице и поперек этой улицы висит транспарант «Коммунизм неизбежен», а рядом множество этих самых богатых людей, которые «культурно отдыхают» после работы, просто лежа в пыли и пропивая свои деньги.

Я там задался вопросом, почему люди не хотят добросовестно работать. Тогда, в конце 1970-х гг., развивались фонды материального поощрения. У меня было много разных предложений, но после четырех лет работы я пришел к выводу, что это бессмысленное занятие, что в этой системе невозможно выстроить отношения так, чтобы у человека был стимул хорошо работать, чего-то добиваться.

Потом я вернулся в Москву, защитил диссертацию и стал работать в НИИ Труда заведующим сектором тяжелой промышленности. Те же самые исследования я вел на примере угольной промышленности, черной металлургии, химической промышленности. Разбираясь в этом, я дошел до уровня Госплана, всего планового хозяйства в целом. И в 1982 г. написал большой доклад (под грифом ДСП — «для служебного пользования») о том, что эта задача неразрешима. Либо нужно возвращаться к системе, действовавшей до 1950 г., когда или ты выполняешь план, или тебя расстреляют, либо нужно освобождать всех, давать свободу людям, чтобы они начинали работать современно. В докладе я объяснял, почему мы не можем произвести современный компьютер или магнитофон. Мы ничего современного не могли

тогда сделать, мы необратимо отставали по всем направлениям, впрочем, сейчас ситуация не лучше. Был большой шум, скандал, меня очень сильно наказали за эту работу.

В 1985 г., когда пришел Горбачев, понадобились новые люди. Меня включили в группу по написанию законов — о госпредприятиях, о кооперативах и т.д. Представлял эти законы Н. Рыжков.

В конце 1988 г. я был назначен заведующим Сводным экономическим отделом Совета министров РСФСР. В 1989 г. стало очевидно, что невозможно сделать ни план, ни бюджет — прежде всего потому, что союзные республики не хотели кооперироваться.

Л. Абалкин, у которого я учился в Плехановском институте и с которым мы работали над этими законами, порекомендовал меня на должность заведующего отделом в Комиссии по реформам. Мы обратились к Рыжкову, потом к Горбачеву с тем, что нужно немедленно (это был 1987 или 1988 г.) заключить новый союзный договор. Если этого не сделать, все развалится, процесс уже идет, мы это уже видим, работая с документами, с цифрами. Но у Горбачева не было тогда времени заниматься этим, он был занят чем-то другим. Не представляю, что могло быть тогда более важным. Чем можно быть занятым, когда страна разваливается, еще немного и она перестанет существовать?! Но в это тогда никто не мог поверить. Когда Горбачев в 1990 г. спохватился, было уже поздно.

Так и сегодня: многие проблемы необходимо решать немедленно, в противном случае будет поздно. Не принимаешь решения вовремя — задача усложняется.

И тогда в конце 1989 — начале 1990 г. появилась программа «500 дней».

— *А «400 дней»? (реплика из зала)*

— Программа «400 дней» появилась следующим образом. Осенью 1989 г., когда составлялся план на 1990 г., стало понятно, что многие механизмы уже не работают и работать не будут, что надо совершенно с других позиций ко всему подходить. Логика рассуждений была такая: надо расписать пошаговый процесс — сегодня сделать что-либо, на следующий день проверить, было ли сделано. Если нет, надо вернуться к прежнему шагу, а новый не делать... Так, к моему удивлению, начала выстраиваться система. Я стал продумывать альтернативные варианты, приглашать крупных специалистов, хотя нас все ругали и не разрешали этим заниматься. Постепенно выстроилась целая программа.

Это была обычная экономическая программа, только развернутая во времени. Она не ставила сверхъестественных целей, тем не менее давала возможность, во-первых, скоординировать реформу по всей стране, во-вторых — контролировать процесс и осмысленно действовать. Кроме того, она

позволяла социально защищать население, так как мы понимали, что при переходе из одного состояния в другое наступят трудные времена.

Все говорили, что 500 дней — очень мало. Я отвечал: «Полтора года». Ведь Япония, будучи абсолютно уничтоженной, разгромленной в ходе войны, без ресурсов, создала за пять лет свой экономический механизм, который сделал ее экономику второй в мире. Во время поездки в Японию я старался изучить ход их реформирования, приспособливал все это к нашим условиям в разумной мере. А потом некто украл программу, передал ее Ельцину, и Ельцин неожиданно сказал: «У меня есть программа “500 дней”, с которой я безболезненно облагодетельствую весь народ. Но только Россию». Я вскоре встретился с Ельциным, объяснил ему, что документ написан не для России, а для всего Союза, новый союзный договор всех республик — его обязательная основа. Кроме того, это совсем не безболезненное мероприятие, не надо давать обещаний, которые невозможно выполнить. Он ответил тогда: «Меня это не интересует. Продумайте, чтобы это было легко, безболезненно и только для России».

Тогда было революционное время, надо было что-то придумать, и я придумал следующее. Он, Ельцин, предлагает эту программу Горбачеву как проект реформ для СССР от имени России. И Ельцин, и Горбачев согласились. Вот это и была кульминация создания программы «500 дней». В июле они согласились, в августе мы писали, 1 сентября представили, 11 сентября Верховный совет РСФСР одобрил эту программу. В ноябре мы, авторы программы, собрались и стали обсуждать, что делать.

Номинально программа действует, Ельцин ее принял, но работает в противоположном направлении, ведет дело к хаосу и развалу. Я как зампред первого ельцинского российского правительства увидел, куда это все движется, доложил Верховному Совету и попросил освободить меня от занимаемой должности.

Что я делал потом? Создал Центр экономических и политических исследований. Я не отступился от своей идеи — провести реформы в России, которые бы вывели ее не в третий мир, а в развитый. Мои товарищи и я стали разрабатывать программу «Согласие на шанс». Ее идея состояла в том, что мы можем создать такие отношения с Западной Европой и США, при которых реформы в России будут проходить относительно мягко для населения. У нас были такие возможности.

В 1992 г. я и мои товарищи уехали в Нижний Новгород. Мы решили подойти к реформе с третьей стороны — заняться региональной реформой. Там мы работали полтора года, это было очень интересно. Тогда же мы первыми предложили проект реформы ЖКХ, чтобы потом не попасть в ту ситуацию, в которой сейчас находимся, и целый ряд других региональных реформ. «Нижегородский пролог» — это довольно подробная программа региональной реформы. Потом случилась октябрьская трагедия 1993 г. На парламентские выборы мы вышли с идеями, о которых я вам рассказываю. Ровно 13 лет

назад 12 декабря 1993 г. в российской Государственной Думе была создана фракция «Яблоко».

Потом я работал в Государственной Думе лидером фракции, решал разные задачи, иногда очень сложные. Был кандидатом в президенты в 1996 и 2000 гг. В 2004 г. правил и выборов уже не существовало, «Яблоко» их не признавало и не участвовало. В 1996 и 2000 гг., по крайней мере, было поле, мяч и ворота, правда, ворота были разного размера у меня и у Ельцина, или у Путина: у меня метров 100, а у них метров 5. У меня было 5 игроков на площадке, а у них — по 150, но была хоть какая-то игра. А в 2004 г. сказали: мяча не будет, поля не будет, ворот не будет, будет только счет на табло...

— *Возможна ли сейчас подобная программа, как бы она могла называться (скажем, «500–700–800 дней»...) и на какие основные социальные институты эта программа могла бы опираться, на что следует делать акцент в развитии и куда вообще надо идти, какими институтами и инструментами пользоваться?*

— Такая программа возможна практически всегда, в том смысле, что любую программу можно изложить в хронологическом порядке. Синхронизация по времени очень полезна для понимания того, что делать сначала, что потом, какие события должны происходить синхронно. На год-полтора можно видеть более или менее точно. Потом начинают качественно меняться и влиять на точность прогноза мировая конъюнктура и многие другие обстоятельства. Так же, как долгосрочный прогноз можно сделать максимум на 20–25 лет. На больший срок — невозможно.

Такая программа для нашего времени у меня есть. По дням я ее не раскладывал — не для кого. В ее основе — решение трех основных вопросов: установить доверие между гражданами и властью; создать независимую судебную систему (рыночная экономика без судебной власти существовать не может); решить проблему нелегитимности собственности. Надо решить вопрос с тем, чтобы к собственности было доверие, чтобы в России была настоящая частная собственность, защищенная всеми государственными механизмами и законами. Для этого нужна специальная программа действий по преодолению последствий криминальной приватизации середины 1990-х гг. Я такую программу представил, впервые она была опубликована в 2003 г. и с тех пор дополняется, уточняется.

Как только П. Лебедева посадили, я сразу пришел с этой программой к В. Путину: «Не надо гоняться за олигархами, то за одним, то за другим. Какой в этом смысл? Вы будете страну все время трясти — это бессмысленное занятие, очень вредное и опасное. Надо решить вопрос в принципе, дело не в фамилиях. Надо решить вопрос экономически, чтобы обеспечить будущее». Он меня тогда внимательно выслушал, но и только.

Стержневые моменты этой программы следующие. Договоренности между бизнесом и властью, не оформленные законодательно, более недопустимы. Надо принимать закон, в котором должны быть три элемента, адресованные гражданам, собственникам и государству.

Начнем с собственника. Все крупные приватизационные сделки 1990-х гг., если они не связаны с убийствами или преступлениями против личности, следует признать законными раз и навсегда и больше к этому вопросу не возвращаться.

Пункт второй, который касается граждан. Установить одноразовый налог, схема установления которого была использована в Англии после массовой приватизации, которую проводила М. Тэтчер. Налог на «неожиданные доходы», как бы компенсационный налог. Как его рассчитать? Например, так. Из сегодняшней суммы рыночной стоимости компании вычесть сумму, заплаченную при ее покупке, размер инвестиций, сделанных за этот период, а на полученную разницу назначить налог. Например, 10% или 15%, это уже вопрос политического соглашения.

Сумма получится довольно большая. Она должна быть предъявлена обществу, и общество само должно решить путем открытого и свободного широкого обсуждения, на что эти средства расходуются целевым образом. На возмещение вкладов 1991 г.? На лекарства, на образование? Как люди решат. Конечно, таким образом не удастся восстановить справедливость, но можно к ней приблизиться...

Пункт третий касается государства. Его надо обезопасить от крупных собственников. Поэтому необходимо прозрачное финансирование политических партий из бюджета (когда политические партии финансируются исходя из того, сколько у них избирателей), а не от бизнеса. Нужен закон об общественном телевидении, которое не финансируется частным бизнесом, но и не подчиняется государству. Оно финансируется защищенной строкой бюджета и управляется общественным советом. Кроме того, необходим блок антикоррупционных законов.

И последнее: антимонопольная часть, которая запретит нынешний высокий уровень концентрации капитала. Нужно двигаться к диверсификации российского капитализма, к созданию народного капитализма. Недопустимо, чтобы 80% компании стоимостью 30 млрд долл. могли принадлежать одному человеку. Это на будущее, чтобы не было соблазна передела собственности.

Я рассказал только о двух—трех самых существенных моментах, которые входят в эту систему. А вообще, это большая программа, которую надо реализовывать. Тогда мы выберемся из капкана, в который попали, люди перестанут бояться и начнут по-человечески работать, возникнет совершенно иная атмосфера. Это мой экономический проект. Вскоре я смогу его представить как научный доклад, с точными расчетами, что и как делать, сколько это будет стоить.

— В своем выступлении Вы несколько раз подчеркнули, что один из ключевых факторов успеха или неудач российских реформ — это отсутствие понимания Россией кто мы, что мы, куда мы идем. А Вы не могли бы четче прояснить, какое, по Вашему мнению, понимание России оптимально, может быть, не самое лучшее, но наиболее привлекательное для Вас?

— Я считаю Россию европейской страной, сделавшей очень много для европейской культуры. Россия — соавтор европейской цивилизации. Россия в течение ближайших 15–20 лет должна стать современной европейской страной (и это не вопрос членства в Евросоюзе или совместных бюрократических структурах). Что значит стать современной европейской страной? Это значит стать страной, в которой действует независимое правосудие, соблюдаются права человека, функционирует независимый парламент, политические партии и профсоюзы, правительство представляет интересы не отдельных бизнес-групп, а всего общества и т. д. Если наша страна не сможет найти в себе силы, чтобы провести эти реформы в течение ближайших 15–20 лет, то ей угрожает распад. Тенденции, которые существовали в Советском Союзе и привели к его распаду, могут заработать с новой силой.

Нельзя забывать, что Россия — страна с самыми протяженными границами с наиболее нестабильными регионами мира. Никто не может предугадать будущее развитие Китая, тем более Средней Азии, Афганистана, Кавказа, Ирана, Ирака. А это все — сопредельные государства. Для того чтобы защищать такую территорию, где сосредоточено более 60% всех экономически выгодных ресурсов мира, необходима мощная экономика. Мощная экономика нужна, чтобы в современных условиях мы могли поддерживать суверенитет на Дальнем Востоке, иначе Сибирь и Дальний Восток будут для нас потеряны, будут называться Северо-Восточной Азией.

Нужно иметь очень мощную экономику, нужно проводить сильную демографическую политику переселения. Мы же вместо этого ведем глупую борьбу с мигрантами. У нас на границе с Китаем три человека на квадратный километр и половина полезных ресурсов мира, а через Амур — 175 человек на квадратный километр и никаких ресурсов. Как долго такая диспропорция продержится?

Никакого третьего пути нет, есть третий мир. И я очень опасаясь, что наша страна при сегодняшней политике идет именно туда. Но у меня есть еще одно соображение, неразрывно связанное с этим. Большие проблемы сегодня и с состоянием Европы и ее развитием. Там тоже сейчас допускаются очень грубые просчеты и ошибки. Развитие Европы имеет для нас принципиальное значение. Европа должна активно проводить экспансию — не в смысле бесконечного расширения Европейского союза, а в смысле распространения идей европейской цивилизации, возникших после 1945 г. А эти идеи все те же: права человека, независимость судебной системы, социальная справедливость.

Свобода и справедливость — взаимосвязанные вещи: без свободы нет справедливости, без справедливости нет свободы. Россия в 1917 г. боролась за справедливость и потеряла свободу. Потом, когда развалился СССР, в 1991 г. Россия боролась за свободу и потеряла справедливость. Это как две педали одного велосипеда.

Для Европы принципиально важно, чтобы они интегрировали с нами экономические возможности. Тогда к 2050 г., когда в мире будет два полюса экономической силы — Северная Америка и Юго-Восточная Азия, Европа вместе с Россией может стать третьим центром экономической силы. Поэтому взаимодействие и взаимовлияние России и Европы — ключевой момент для нашего будущего развития, но надо быстрее с этим определяться.

Почему Прибалтика, Польша и другие страны так торопились вступить в Евросоюз, хотя они не соответствуют никаким стандартам? Почему Турция туда так рвется? Потому что они понимают, что поезд уходит, понимают, что если Турция не войдет в это сообщество сейчас, у нее нет будущего! Будет очень большой разрыв между развитыми странами и неразвитыми. И неочевидно, что будет середина. Поэтому принципиально важно на данном этапе самоидентифицироваться, нужно внятно сказать, кто мы такие и какая у нас цель. Невозможно это просто заменить какой-то «жвачкой» о Великой России — Третьем Риме.

Кстати, вся мировая экономика построена на концепции прав человека. Если она рухнет, не будет и рыночной экономики.

— В предыдущем выступлении речь шла о том, что в начале 1991 г. над программой выхода из кризиса работали две команды на двух разных дачах, в одной участвовали Вы. Участники первой команды полагали, что необходимо во что бы то ни стало сохранить Советский Союз, участники второй считали, что это не нужно, раз Советский Союз уже не существует, надо консолидировать Россию. Как бы Вы сейчас, с современных позиций прокомментировали ту дискуссию? Какие были (и были ли) основания, на которых работала Ваша команда? Тем более Вы сегодня говорили, что уже и раньше бывали довольно тяжелые в этом отношении ситуации, и страна, в общем-то, «разваливалась» и раньше.*

— В 1990 г., когда мы работали над программой «500 дней», идеи такой не было. То есть не было другой группы, которая бы заявляла модель распада. А вот в 1991 г. такая группа появилась. Возглавлял ее Е. Гайдар и люди, которые с ним работали, А. Шохин, например.

* См.: Григорьев Л.М. Хронология реформ. Препринт WP11/2006/01 (Серия «Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории»). М.: ГУ ВШЭ, 2006.

После августовского путча 1991 г. правительство распалось, а оперативное управление народным хозяйством СССР 24 августа было передано специально созданному Комитету с аналогичным названием — КОУНХ СССР во главе с И. Силаевым. Вместе с президентом Научно-промышленного Союза СССР А. Вольским и вице-мэром Москвы Ю. Лужковым я был назначен одним из трех заместителей председателя Комитета. С августа мы готовили «Договор об экономическом сотрудничестве между республиками СССР» и 26 приложений к нему. Целью Договора было сохранение единого экономического пространства и рынка СССР вне зависимости от будущего политического союза.

Договор и приложения предполагали создание Международного экономического комитета для регулирования отношений между республиками, банковского союза, арбитража, сохранение единой валюты, рынка труда и движения рабочей силы, проведение единой денежно-кредитной политики и проч. Фундаментальный документ! Над ним со мной работали представители всех союзных республик. Прибалтика согласилась быть наблюдателями. Отказались только две республики — Гамсахурдия от Грузии и Азербайджан, потому что был обижен за Карабах на Армению, которую поддерживала Россия. Договор был парафирован 18 октября 1991 г. в Алма-Ате на высшем уровне представителями десяти республик, ратифицирован Россией в Кремле. Можно ли было это пространство сохранить в политическом смысле, я, честно говоря, не знал. Я считал, что поезд ушел. Но экономические связи можно было сохранить.

А после Беловежской Пуши все закончилось. Это был вопрос, по которому мы с Ельциным разошлись окончательно. Он предложил мне должность премьер-министра (которую потом занял Гайдар), я согласился, но при условии сохранения экономического союза и отказа от идеи односторонней либерализации цен. Сначала мы проводим приватизацию мелкой и средней собственности, потом комплекс институциональных реформ, а затем полную либерализацию цен. На все это нужно было полтора года. Ельцин сказал: «Нет, никакого экономического союза не будет, Россия пойдет одна. А что касается цен, нечего тянуть, надо делать сразу». Я спросил: «Вы представляете, какая будет инфляция?». — «Мне сказали, процентов двадцать». — «Я думаю, что гораздо выше. Будет жесточайшая инфляция (я, конечно, не представлял тогда, что 2600%) и пережить ее будет очень тяжело». И как вы понимаете, дело закончилось стрельбой и чуть ли не началом гражданской войны.

Незадолго до подписания решения о премьерe ко мне пришел Г. Бурбулис и сказал: «Все, решай — последняя минута. У Ельцина лежат две бумаги — на тебя и на Гайдара. Тебя он знает, а Гайдара — нет. Он бы предпочел подписать на тебя». Я говорю «Отвечайте мне внятно: будет экономический договор? Ведь после такого разрыва хозяйственных связей мы потом 20 лет

будем из этой ямы вылезать!». — «Нет, этого, — говорит, — ничего не будет, Россия пойдет одна». Он уже знал про Беловежье.

И второе, я говорил тогда о необходимости другой последовательности действий, о том, что нельзя инфляцией уничтожать все деньги населения, что нужно дать возможность людям купить на эти деньги парикмахерские, магазины, грузовики, куски земли, если денег хватит — какие-нибудь небольшие предприятия (то, что предлагала программа «500 дней», то, что мы потом в 1992 г. делали в Нижнем Новгороде). Сначала следовало создать класс мелких и средних собственников, а затем уже переходить к крупной приватизации. Ельцин стоял на своем: «Нет, у нас нет времени, Россия идет одна, надо все делать немедленно».

Больше я с Ельциным никогда не сотрудничал, потому что считал, что принятые тогда решения были совершенно неправильные, можно было принять другие. Можно было проводить приватизацию не ваучерами, можно было за символическую сумму, но продавать мелкие предприятия, а к приватизации крупных объектов подходить позже... Многое можно было сделать по-другому.

Вы спросили меня, как бы я сейчас прокомментировал принятые тогда решения — как тогда, так и сейчас. Не надо все ломать. В нашей стране больше вообще ничего не надо ломать! У нас в XX в. столько раз все ломали, больше страна уже не выдержит! Любые реформы сегодня должны идти не на улице, а через общественный договор. Для этого нужна только политическая воля. Но есть проблема: те, кто сегодня имеют власть, не могут оттуда уйти. В свое время министр Е. Адамов попал в Швейцарию, а оттуда прямо в тюрьму. Поэтому вопрос о власти является жизненно важным слишком для многих.

— Не могли бы Вы подробнее рассказать, в чем заключалось противоречие между дефолтом и девальвацией и какие проблемы вызвало одновременное проведение девальвации и объявление дефолта?

— Решается задача несбалансированного курса рубля и финансовой пирамиды. Эта задача может быть решена различными способами. Но не нужно применять оба сразу. В этом нет необходимости. Правительство использовало дефолт, чтобы защитить целый ряд корыстных интересов отдельных коммерческих структур. Потому что они теряют в условиях девальвации и, чтобы сохранить их уровень жизни и их возможности, вы применяете дефолт. Дефолт — это отказ от уплаты долгов. Сначала дефолт, потом мораторий на уплату всех долгов, потом еще и девальвация — это можно делать, только если вы хотите неравномерно распределить бремя кризиса. Плата за кризис раскладывается не поровну. Одним специальными подлыми методами все сохраняется, а другие сразу становятся в пять раз беднее.

Напомню, за месяц до того куда-то растворился кредит МВФ в 4,8 млрд долл. Многие компании, которые набрали много долгов, в том числе и за границей, прямо говорили: «А мы не отдаем деньги. Кредиторы из-за границы просят, требуют, но нам не разрешают отдавать долги — мораторий».

Кроме того, девальвацию можно было проводить постепенно. Тем более что накануне дефолта 80% оборота в стране составляли бартер и денежные суррогаты.

— *У меня более конкретный вопрос, специфический: Ваша фракция в первой Государственной Думе и во второй тоже пролоббировала несколько очень интересных законов, в частности закон о Центробанке. Не секрет, что его откровенно лоббировал М. Задорнов, против него выступала часть Вашей партии, в том числе Ю. Болдырев. Он говорил Вам о том, что необходимо вынести этот вопрос на внутривнутрипартийное голосование, но Вы этого не сделали. Почему?*

— Мы как раз это сделали в 1995 г. Была внутривнутрипартийная дискуссия по закону о СРП и закону о Центробанке. В законе о Центробанке решался вопрос, должен ли Центробанк подчиняться Министерству финансов или Центробанк должен быть независимым от Минфина органом. В условиях очень высокой инфляции, которая была в то время, мы опасались, что при прямом подчинении Центробанк будет просто получать указания от Минфина, и это приведет к необоснованному кредитованию бюджета и усилению инфляции. Мы исходили из концепции полной независимости Центробанка и возложения на Центробанк ответственности за уровень цен и инфляции в стране.

— *Но ведь там речь шла еще о нескольких важных и спорных моментах, в частности о том, что директора Центробанка выдают зарплату сами себе, проценты по кредитным ставкам для себя тоже сами устанавливают, вводится собственная бухгалтерия.*

— Да, там действительно было много спорных моментов, но принципиальная позиция была, что Центробанк — независимая структура. Никто из нас в Центробанке не работал, и Задорнов там никогда не работал, мы просто считали (в то время это был важный вопрос), что если зарплату председателя Центробанка будет регулировать Министерство финансов, это опять будет способом принуждения Центробанка к тем или иным кредитным операциям бюджета, чего мы хотели всячески избежать. С моей точки зрения, этот вопрос хотя и важный, но принципиального идеологического значения не имел. Была такая концепция решения вопроса, а могла быть другая. По советской традиции Госбанк — вообще часть Минфина. Я же считал, что Центробанк

должен быть независимым. Поэтому мы впервые хотели поставить вопрос о том, что Центробанк должен нести ответственность за уровень цен, в его деятельность никто не вмешивается, а руководство Центробанка отвечает за валютные резервы страны, за размещение кредитов и действительно независимо. Мы допускали, что могут быть злоупотребления, но считали, что лучше пусть он сам разбирается с этими злоупотреблениями, чем это превратится в целую систему. Потому что если это Минфин, то здесь и зампред, который его курирует, и аппарат правительства. Значит, очень много людей начинают влиять на деятельность Центробанка. И мы пошли на то, чтобы придать Центробанку независимый статус.

— *Вы много раз сегодня возвращались к теме инфляции. Не могли бы Вы прокомментировать свою позицию на сегодняшний момент: есть ли вообще пути выхода из той ловушки, в которую попал наш Центробанк, когда конкурентоспособность российских экспортных предприятий противостоит инфляции de facto.*

— Вы хотите сказать, что в настоящий момент Центробанк не справляется с инфляцией? Что денежные потоки, поступающие в страну за счет экспорта, превышают возможности Центробанка по сдерживанию инфляции? Россия долгое время находилась в таком положении, когда главная присказка нашего правительства была «У нас нет денег». Теперь главная жалоба — «У нас слишком много денег». Что же это за экономика: нет денег — плохо, есть деньги — тоже плохо. Значит, есть системная проблема. В чем она?

Большой объем поступления денег в страну требует создания элементарной инфраструктуры для их использования, например, инвестиционной инфраструктуры. Тогда стабилизационный фонд можно тратить на инвестиции. Если у вас есть банковская система и вы способны обеспечить возвратность кредитов, то через инвестиционные фонды можно реализовывать самые необходимые проекты, например, развитие дорог, портов и т. д. У нас такой возможности нет. Правительство М. Касьянова с 2000 г. не сделало ничего, чтобы такая система возникла и заработала.

Какой еще есть вариант? Можно было бы повышать заработную плату, пенсии, доходы граждан, но это вызывает инфляцию. Это можно было бы делать при условии существования системы сбережений, различных пенсионных, паевых фондов, банков, к которым население испытывает доверие, долгосрочных обязательств, долгосрочных вкладов, реальной ипотеки на длительный период. Таких механизмов тоже нет. И у нас действительно начинается голландская болезнь: избыток денег в экономике — экономика «перегревается».

Это серьезная проблема, необходима постоянная санация. В качестве санации выбрали самый простой способ: досрочный возврат долгов. Одна-

ко если альтернативой является просто кража этих денег, то такой способ все же лучше.

— *Я хочу уточнить про залоговые аукционы. В чем они заключались? Видимо, просто займы давались предприятия, верно? И как разобрались с миноритариями? Были приняты налоговые законы или что-то еще?*

— Как разобрались с миноритариями? Представьте себе, стоит предприятие по производству телевизоров. Вы приходите в фонд имущества, там работает ваш товарищ. Вы говорите: «Петя, дай мне этот завод». — «Пожалуйста». — «Но у меня нет денег». — «Не расстраивайся, я тебе дам». — «А сколько?». — «10 миллионов». — «А предприятие стоит, наверное, все 500». — «Я тебе особую цену установлю, будет стоить 50». Вы говорите: «А где же я еще 40 возьму?». — «А вот 40 ищи сам». А вы говорите: «А когда тебе вернуть эти 10 миллионов?». — «Да деньги возвращать не надо».

Тогда вы выезжаете, скажем, в Дубаи, находите там какого-нибудь богатого человека и говорите ему: «Слушай, хочешь выпускать телевизоры в России?» Он говорит: «Давай. А что я буду с этого иметь?» Вы ему рассказываете и говорите, что стоить это будет копейки (дубаец наводит справки, и это действительно так; по сравнению с тем, сколько это стоит у них, — копейки). Он говорит: «Ладно. Сколько тебе дать?». — «Ну, дай мне 3 миллиона». И так вы проезжаете по миру и собираете по 3 миллиона. Но за это ему полагаются акции. Потом получается, что у вас 60% акций, а еще у трех миноритариев — по 10–15%. Так вы собираете деньги, приходите к Пете и говорите: «Петя, вот вся сумма!» Он забирает эту сумму. Никакого конкурса, никакого аукциона, никакую другую цену никто не обсуждает. Вы забираете это предприятие. При этом он вам пишет, что вы должны обеспечить хорошие условия труда, высокую рождаемость, прекрасную атмосферу.. На этих условиях вы получаете предприятие.

А потом вам приходит в голову мысль «А при чем здесь эти люди из Дубаи вообще?» Ну, дали денег, ну и что? Вы делаете дополнительную эмиссию и превращаете его в акционера на 0,5%, или меняете регистратора. Он сидит спокойно в Дубаи и вдруг узнает, что вчера еще у него было 15% акций завода телевизоров в Калуге, что для него жизненно важно, а сегодня ничего подобного. В Калуге вообще нет такого завода, там сменили регистратора, он не выпускает телевизоры, вообще не выпускает, его продали.

Дубаец кричит: «Караул!» и обращается в суд в Калуге. Приезжает на какое-нибудь судебное заседание, где местные бандиты ему объясняют: «При чем тут телевизоры, ты жить-то хочешь?» Когда он это понимает, то предпочитает как можно быстрее уехать.

Зато, когда вы наладите связи с Африкой и будете там продавать свои телевизоры, первый же телевизор, который вы туда привезете, будет арес-

тован вместе с вами. Как в истории с фирмой Noga, например. Это, правда, другой случай, но судбно аналогичный.

— Григорий Алексеевич, Вы говорили о программе «Согласие на шанс», которая разрабатывалась совместно с американцами. Когда при разработке конкретной программы Вы взаимодействовали с западными специалистами, были ли какие-то столкновения разного, так сказать, бэкграунда? Двоякого бэкграунда: и научного, и понимания того, что в России происходит. Если были, то чему они Вас научили, я имею в виду Вашу команду, российских специалистов. Какие у них были иллюзии, ложные представления о том, что можно и чего нельзя делать?

— Мы, конечно, не понимали, как работает, скажем, Международный валютный фонд или Всемирный банк, администрация президента, Госдепартамент. Здесь-то я все знал, а там никто из нас не понимал, как это все делать, и все делали они. Они говорили: «Туда надо идти, сюда надо идти, там надо...» Но все, что они предлагали для России, было совершенно чудовищно. Они ничего вообще не понимали, их представления были совершенно дремучие, даже у таких грамотных экономистов, как С. Фишер, который потом возглавлял МВФ. С ним было бесполезно разговаривать! Он ничего не понимал, он думал, что наше предприятие — это такое же предприятие, как у них, только государственной собственности. Он считал, что у нас есть капитал и если мы перестанем делать оружие, то у нас будут свободные средства, и мы сможем эти деньги вкладывать в строительство молочных заводов. И сколько я ему ни объяснял, что у нас нет такого понятия, что у нас экономика не так устроена, у нас купить одно за другое — невозможно!

Кроме того, они были действительно уверены, что в России существует реальный голод. Сколько им ни объясняли, что нет никакого голода, что у всех все есть. В магазинах нет, а дома есть. Вам смешно, а именно так оно и было. Я видел, что в магазинах прилавки пустые, но чтобы человек был голодный — не видел.

Вообще зарубежные советники делятся на три категории. Одни реально говорят правильные и полезные вещи, как правило, японцы и немцы. В кулуарах они говорили, что вот это можно делать, а вот это нельзя, вот это так, а это не так. А за столом переговоров, скажем, «семерки» помалкивали, потому что там был «большой брат». Однако они нас предупреждали: ни в коем случае не делайте то, что вам говорят американцы, иначе будет беда. И объясняли почему. Японцы говорили, что нужна промышленная политика, что нельзя одними макроэкономическими регуляторами это делать, тем более в условиях, когда деньги составляют только некоторую часть оборота, все остальное бартер. Чего можно добиться с помощью макроэкономических регуляторов, если нет денег как таковых! А МВФ давал кредиты, вли-

вал деньги в денежную систему и создавал впечатление, что все это как-то действует и работает.

Другой тип советников — это люди, которые советовали всякие глупости, но искренне в них верили.

Но есть и третья категория «советников», которые не только давали откровенно глупые советы, но и хорошо на этом зарабатывали.

Однажды в Давосе на Всемирном экономическом форуме у меня был круглый стол с советниками, и я им сказал следующее: «В дореволюционной России была такая традиция: инженер, который строил мост, вместе со своей семьей становился под ним, когда шел первый поезд. Поэтому если вы хотите нашей стране помочь, то, пожалуйста, — забирайте свои семьи, переселяйтесь к нам и живите нашей жизнью. А просто нами попользоваться для ваших упражнений, чтобы заработать и уехать, — так не получится».

Многие из них сегодня продолжают давать советы, особенно сейчас любят учить Украину. И опять это делается совершенно непрофессионально. Может быть, вам странно это будет услышать, но экономика — это наука гуманитарная. Если вы не любите людей, если вам они безразличны, вы никогда не создадите хорошую экономическую систему. Если вы готовы сказать: «Выживут только сильные», вы не можете сделать настоящую экономику. Это не будет никогда работать, потому что у всех сильных есть слабые: родители, дети, друзья, соседи. И когда вы цинично пренебрегаете этими слабыми, вы разрушаете все. Экономика — наука о человекобережении, о том, чтобы дать человеку возможность жить и работать.

— Сегодня студенты с трудом читают книги, а вот Интернетом пользуются активно. Где найти Ваши материалы в Интернете?

— На моем сайте — www.yavlinsky.ru — приходите на сайт и на форум. То, что я вам сегодня рассказывал в разговорном стиле, можно найти в виде научных работ. У меня на сайте есть большая работа «Социально-экономическая система современной России и проблемы ее модернизации». В будущем году я планирую ее издать.

Можно почитать книгу «Incentives and Institutions» — «Стимулы и институты», правда, она существует пока только на английском языке. Думаю, она есть в вашей библиотеке. Это подробный анализ наших реформ со ссылками и научным аппаратом. Я очень рад, что у меня есть книга, по которой учатся американские студенты.

Препринт WP11/2006/02
Серия WP11
*Экономические реформы конца XX в.:
опыт и уроки новейшей истории*

Явлинский Григорий Алексеевич

О логике экономических реформ

Зав. редакцией *А.В. Заиченко*
Технический редактор *О.А. Быстрова*

ЛР № 020832 от 15 октября 1993 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать трафаретная.
Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9. Усл. печ. л. 1,63.
Заказ № . Изд. № 640

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3